

УДК 811.161.3'42'373:94:327.5(47+57)«1941-1945»:811.161.3'374:398.91(=161.3)*М.Я.Гринблат

Идеологемы Великой Отечественной войны в словаре белорусских паремий М.Я. Гринבלата

Е.В. Ничипорчик

В центре исследовательского внимания пословичные идеологемы, созданные во время Великой Отечественной войны. Выяснено, что проverbsиальная форма и содержание такого рода коммуникативных единиц обусловлены их специфическим функциональным предназначением, связанным с формированием в массовом сознании соответствующих военному времени социальных установок. Выявлены и описаны языковые средства, которые были использованы для придания идеологемам жанровых признаков пословицы. Конкретизированы социальные установки, выразителями которых являются пословичные идеологемы о войне.

Ключевые слова: идеологема, пословичная идеологема, идеологический смысл, социальная установка, пословица, словарь.

In the center of the research attention are proverbial ideologemes created during the Great Patriotic War. It has been found that the proverbial form and content of such communicative units are determined by their specific functional purpose associated with the formation in the mass consciousness of social attitudes corresponding to wartime. The linguistic means that were used to give ideologemes the genre features of a proverb are identified and described. The social attitudes, which are expressed by proverbial ideologemes about war, are concretized.

Keywords: ideologeme, proverbial ideologeme, ideological meaning, social attitude, proverb, dictionary.

Идеология любого государства проявляется в воздействии на массовое сознание, цель этого воздействия заключается в формировании определенного отношения к формам правления, различным видам социального взаимодействия внутри общества, а также к принципам социального устройства «чужих» сообществ. Законы и правила социальной жизни, изученные и письменные, вырабатывались на протяжении всей истории человеческого сообщества, и генезис человеческих взаимоотношений показывает, что миропорядок, каким бы он ни был, неотделим от формирующих его средств.

Уникальными порождениями человеческой культуры, способными выполнять регулятивную функцию в социуме, выступать естественным средством социального контроля, являются пословицы. Уникальность их заключается в том, что они утверждаются «по общему согласию, составляют мирской приговор, общее мнение» [1, с. 151], и именно эта естественность формирования законов «общезития» наделяет пословицы особой жизненной силой, обеспечивает некоторой их части трансвременное и даже транскультурное бытование.

Высокая степень персуазивности меткого пословичного слова испокон веков принималась во внимание теми, кто искал пути воздействия на сознание масс. Провербиальные формы для выражения ключевых идей религиозных учений использовали представители духовенства, с тем чтобы эти идеи были восприняты массовым сознанием и закрепились в нем [2, с. VIII]. Провербиальные формы активно использовались и идеологами, в чем можно убедиться при обращении к ряду русских и белорусских паремиологических словарей двадцатого века [3], [4], [5], [6 и др.].

В составленном М.Я. Гринблатом двухтомном словаре белорусских пословиц и поговорок [6] выражения с идеологическим содержанием, воплощенным в провербиальную форму, помещены в отдельный раздел, названный «Прыказкі і прымаўкі савецкага часу». Входящие в данный раздел коммуникативные единицы, а это выражения типа *За партыяй ісці – у шчасці жыць і цвісці; За камуністамі пойдзеш – свабоду знойдзеш; Быў парадак панскі – стаў рабоча-сялянскі; Гультай – то калгас не лай; Хто за Радзіму гарой, той сапраўдны герой*, в соответствии с терминологией сегодняшнего дня определяются как идеологемы.

Заострим внимание на том, что понятийное содержание термина «идеологема» в современной научной литературе оказывается размытым. Если проанализировать существующие трактовки термина «идеологема» (как «когнитивные», так и «семиотические»), то оказывается, что объем понятийного содержания этого термина колеблется в весьма широком диапазоне. При понимании идеологема как ментальной сущности термин используется, как правило, для обозначения достаточно объемной, неоднородной ментальной структуры, определяемой как идеологический концепт (это «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [7, с. 35]). В то же время известно и узкое понимание идеологема, в соответствии с которым идеологема есть не что иное, как отдельная мысль, тезис какой-либо идеологии [8]. При понимании идеологема как семиотического феномена – знаковой единицы, наделенной идеологическим смыслом, – также наблюдается широкая и узкая трактовка термина. При широком понимании термин используется для обозначения любых знаков (в том числе и неязыковых), обладающих идеологическим содержанием. Так, Г.Ч. Гаспаров считает, что, поскольку референтом идеологема «не является ни обобщение или абстракция, ни предметная реальность» и единственным значимым элементом идеологического сообщения является точно угаданный подтекст [9, с. 27], идеологемой может быть любой элемент естественного языка (исследователь описывает такие идеологема, как «идеологема-буква», «идеологема-окончание», «идеологема-предлог», «идеологема-антропоним» и др.); идеологемами, по мнению Г.Ч. Гаспарова, могут быть и коммуникативные единицы («идеологема-цитаты»), и разного рода символы (изобразительные (серп и молот, щит и меч и т. п.), музыкальные (гимны, позывные) и др.) [9]. Узкая трактовка термина сугубо лингвистическая. Идеологема – это лексико-фразеологические единицы с особыми семантическими свойствами («любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [10, с. 22]).

Обращает на себя внимание тот факт, что при лингвистической интерпретации термина когнитивный и семиотический планы оказываются совмещенными: идеологема – это и некоторое содержание, диктумное и / или модусное (значение, со-значение, компонент значения, эмоциональное, оценочное отношение к какому-либо объекту, причем явно вариативное, зависящее от мировоззренческой позиции человека [11, с. 92], [12, с. 11]), и сама форма для выражения этого содержания. Выдвижение одного из планов в определении термина «идеологема» и столкновение этих определений в научном дискурсе приводит к нежелательному противоречию; так, Н.А. Купина, в одной из своих работ определяет идеологема как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [13, с. 43], в другой – как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [14, с. 183].

Неустойчивость связи между идеологическим смыслом и формой его выражения подвигает некоторых исследователей к мысли о необходимости использования разных терминов для обозначения идеологического содержания и средств, объективирующих его. Так, при анализе отношений, возникающих между языком и мышлением в процессе моделирования действительности, и, в частности, при лингво-идеологическом анализе исследователь А.А. Мирошниченко предлагает использовать, кроме термина «идеологема» термины «лингвема» и «лингво-идеологема». Идеологема квалифицируется как праксема сознания, лингвема – как праксема языка, а соответствие, которое может возникать между ними, – как лингво-идеологема [15]. Индикатором лингво-идеологема, согласно концепции А.А. Мирошниченко, может быть любая единица языка, любое синтаксическое или семантическое отношение в языке и даже значимое отсутствие должной единицы языка или должного структурного отношения [15]. Аналогичной позиции, вслед за А.А. Мирошниченко, придерживаются исследователи О.И. Калинин и А.Д. Сузень [16, с. 135].

Несмотря на всю рациональность подобного рода предложения, расширение терминологического аппарата лингвоидеологических изысканий при возможности логичной экономии языковых средств кажется нецелесообразным, по этой причине склоняемся к такой точке зрения, согласно которой идеологема квалифицируется как знаковая единица, характеризующаяся, как и иные семиотические феномены, двуединой – материальной и идеальной – сущностью. «Форма и содержание едины в слове, понятом как социальное явление, социальное во всех сферах его жизни и во всех его моментах – от звукового образа до отвлеченнейших смысловых пластов, – пишет М.М. Бахтин [17, с. 72], а далее делает очень важное для понимания социально обусловленных функциональных характеристик слова замечание: – Слово как бы живет на границе своего и чужого контекста» [17, с. 97]. И эта метафорическая ремарка особенно верна по отношению к идеологемам, способным при употреблении социальными субъектами, являющимися носителями конфликтующих идеологий, выявлять различное моделирование действительности.

В центре нашего исследовательского внимания идеологемы особого рода. Это патриотические по своей содержательной сути идеологемы, созданные во время Великой Отечественной войны. Их создание было обусловлено необходимостью формирования и донесения до массового сознания таких идей, которые позволяли бы каждому гражданину страны, претерпевшей нападение врага, почувствовать важность личной причастности к защите своей Родины. Слово должно было внушать веру в победу, заставлять преодолевать боль, страх, культивировать ненависть к врагу, подвигать к совершению героических поступков. И это слово должно было быть простым, естественным, привычным для обыденного сознания, таким, каким является пословичное слово: *Смела ідзі ў бой – Радзіма стаіць за табой; Слязьмі ворага не б'юць; Розум дае сілу, сіла дае адвагу; Кожнаму воўку – у горла па асколку; Не той удал, хто пальнуў і прапаў, а той, хто б'е і доўга жыве; Не лезце ворагі да нас: магілак хопіць і на вас; Горш фашыскай чумы не ведалі мы; Жорсткая бузде фашыстам расплата за кожнага брата.*

Сейчас трудно определить, как возникли такого рода идеологемы: порождены ли они речевой стихией, созданы ли исключительно по заказу теми, кто выпускал печатную продукцию военного времени: газеты, плакаты, листовки. Наверняка пути возникновения подобных коммуникативных единиц были разные, в то же время ясно, что идеологемы, созданные на злобу военного дня, с окончанием войны утратили свою актуальность, как и многие другие идеологемы раздела «Прыказкі і прымаўкі савецкага часу» в паремиологическом словаре М.Я. Гринבלата.

Пословичные патриотические идеологемы для лингвиста интересны прежде всего тем, что позволяют вскрывать механизмы порождения провербиальных единиц. Разумеется, что внимание лингвиста приковывают к себе в первую очередь языковые средства, используемые продуцентами патриотических идеологем для придания им пословичного облика.

Петербургский паремиолог Е. И. Селиверстова в одной из своих статей с символическим названием «Как “собрать” пословицу: некоторые средства и способы» указывает на то, что для конструирования новых паремий активно используется и «пословичная грамматика (правила порождения речений, признаваемых паремиями)», и «арсенал фрагментов, из которых по принципу мозаики конструируются новые единицы» [18, с. 142]. Обращение к пословичным патриотическим идеологемам позволяет убедиться в справедливости этого тезиса.

В качестве строительного материала для пословичных идеологем военного времени использовались следующие средства:

1) узнаваемая пословичная лексика (свойственные обыденному сознанию средства концептуализации и категоризации действительности): *Мы да варот, а фашыст праз плот; Пераступілі фашысты нашыя парогі, ды паламалі свае ногі; На чужое мяса як сабака ласы; У крамах пуста і ў хатах чыста: абабралі ўсё фашысты; За наша жыта имат ворагаў набіта;*

2) пословичные биномы:

Даў (дасі) фашысту ў рабро – зробіш сабе дабро; сравн.: За маё дабро да мяне ў рабро; Чужое дабро бярэ за рабро;

Шлі фашысты ў госці – у зямлі пакінулі косці; сравн.: Нядобрыя госці – аставілі мёртвых ды косці; Не сабраць касцей пасля гасцей;

Фашыст за сталом – свіння ў карыце; сравн.: Абы бог даў свінню, то карыта знойдзеца; Свіння і то ў карыце не гадзіць;

3) фрагменты узуальных пословиц, поговорочные выражения:

Хіцэр Зміцэр: і карчом немца б'е; сравн.: Хіцёр Зміцёр; Зміцэр то хіцэр, ды і Сава не дурань; Дзміцэр хіцэр, да і Саўка не дурак;

Куранят увосень ліцаць, а фашыстаў круглы год (кожны дзень); сравн.: Куранят увосень ліцаць;

Не пераскачыйшы, крычаў «гон», ды схатіў кулю ў лоб; сравн.: Не пераскачыйшы, не кажы гон;

Не мялі языком, а калі штыком; сравн.: Не мялі языком, а дзелай дзела;

4) синтаксические структуры, основанные на параллелизме частей / контрасте (как правило, включающие узнаваемую пословичную лексику): *Фашыст бойкі, а партызан стойкі; Партызанам пірагі і пышкі, а фашыстам – сінякі і шышкі; Па вачах сірата, а на кіпцюрах разбойнік; Фашыст богу моліца, а чорту накланы б'е; Язык доўгі, да пяты кароткія; Крычалі – бліцкрыг, а шэпчуць – бліцдран; На Бягомль цішком, а з Бягомля бяжком.*

Активно использовались иные средства художественной выразительности, в частности ритмизация и рифмизация слога: *Летш смерць на полі, чым жыццё у няволі; Хто смерці не баіцца, таго куля стараніцца; Не будзе таго ніколі, каб жылі мы ў няволі; Ад Савецкай сілы немцу свет не мілы; Не галься на Маскву, бо не збяреш у Бярліне пяску; Бургамістр ды кат – адзін другому брат; На Вісле скіслі, а на Шпрэе сапрэюць; Будзе часіна – дойдзем да Берліна.*

Зачастую наблюдается использование схожих сюжетных линий (аналогичных пословичных фреймов). Смена денотата достигается заменой одного или нескольких компонентов пословичного пре-текста, введением в пословичный пре-текст компонента с субъектной семантикой, изменяющей степень обобщенности моделируемой ситуации:

Не ўсё фашысту маслянца – будзе і вялікі пост; сравн.: Не ўсё ж кату масленіца, прыдзе і вялікі пост.

Не ўтрымаўся фрыц за грыву – на хвасте не паедзе; сравн.: Як не ўтрымаўся за грыву, дык і на хвасце не ўдзяржышся.

Фашысты высока масціліся, да нізка зваліліся; сравн.: Высока лятаеш – нізка ўпадзеш; Высока падляцеў, да нізка сеў; Хто высока заглядае, той нізка сядзе.

Лавіць авец і фашыст маладец, а як зловяць падляца – ён сам як аўца; сравн.: Ты маладзец напроціў авец, а напроціў маладца сам аўца.

Фашысты да нас – як рыба ў нерат – ні ўзад, ні ўперад; Папала рыбка ў нерат – ні назад, ні наперад; сравн.: Улез у нерат: ні ўход, ні ўперад; Папаўся ў нерат: ні ўзад, ні ўперад; Улез у нерат: ні ўзад, ні ўперад.

Прапаў, як фашыст пад Сталінградам; сравн.: Прапаў, як швед пад Палтаваю.

Не менее важным в исследовательских целях является выяснение того, что именно свидетельствует об идеологемности пословичных выражений о войне, зафиксированных в словаре М.Я. Гринблата.

Обращает на себя внимание прежде всего лексика, которая играет ключевую роль в воплощении идей, связанных с формированием социальных установок, соответствующих военному времени – времени Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Самыми частотными словами в патриотических пословичных идеологемах оказываются слова, используемые для обозначения врага: *фашыст / фашысты, фрыц*. Непрямыми средствами идентификации врага являются сочетания типа *фашыцкая чума, фашыцкая зараза, фашыцкае ярмо, фашыцкія парадкі, фашыцкі лад* и др. Эпизодичнее используются имена собственные, называющие предводителей врага: *Гітлер, Кубэ, Гебельс*.

Враг является инициатором смертоносной войны, и профилирование его образа связывается с необходимостью выражения резко негативной его характеристики. Создаваемый в идеологемах образ врага призван вызывать ненависть, презрение и безжалостное отношение к тем, по чьей воле развязана война, кто повинен в гибели людей: *Воўка пазнаюць па клыках, а фашыста па акрываўленых руках; Фашыста і звер на адзін аршын мерай; У фашыста рот чорны; Фашыцкі салдат – разбойнік і кат; Кожнай фашыцкай гадзіне вісець на перакладзіне; Жорсткая будзе фашыстам расплата за кожнага брата.*

В то же время этот образ не должен быть устрашающим, отсюда уничижительные коннотации средств, используемых для развенчания мифов о грозной силе врага: *Фашыцкаму ваяку рускі штык не да смаку; Хацеў фрыц пышкі, атрымаў сінякі і шышкі; Са стрэх капае, а фрыц далей драпае; Гітлер думаў: ен ваяка, ды загінуў небарака; Ішоў да нас ваякам, а назад паўзе ракам; Хацеў Гітлер з'есці беларускага мужыка, ды тонкая кішка.*

Уничтожение врага контрастирует с возвеличиванием солдата, бесстрашно уничтожающего врага; партизана, сражающегося за свободу своей земли в тылу: *Народ заве таго героя, хто б'е фашыстаў смертным боем; Хто смерці не баіцца, таго і куля не бярэ; Партызан ідзе – фашыстам смерць нясе; Сорак фашыстаў, двое нас, ды смекалка пра запас; З беларусам прусак ваеваць сабраўся, ды сам без галавы застаўся; Яўхім і клёцам самалет саб'е.*

Установка на спасение родной земли, уничтожение врага, совершение героических поступков выражается прямо или косвенно практически в каждой идеологеме Великой Отечественной войны: *Не давай праходу фрыцу – ратуў родную зямлю; Фашысцкую заразу знішчай адразу; Фашыскаму грамілу кулю ў лоб і кол в магілу; Лети загінуць героем, чым жыць рабом; За Савецкую Беларусь не трус; Палі склады і базы ў фашысцкай заразы; Беларусь – не трус: ад яго Кубэ здох, як прус.*

Гражданское население, находившееся на оккупированных территориях, также нуждалось в поддержке лозунговым словом: гражданскому населению были адресованы идеологемы, в которых культивировалась ненависть к предателям, вменялось неповиновение, неприятие вражеских порядков, важным было внушение и веры в победу: *Зраднік за агрызкі прадасць радных і блізкіх; Для прадажнай (фашысцкай) псіны – кол з осіны; Фашысту і зверу ніколі не веру; Фашысцкі лад – пятля да кат; Фашысцкі парадак, як Гітлер, гадак; Не будзе таго ніколі, каб жылі мы ў няволі; У беларускім краі не быць фашысцкай зграі.*

Как видим, оптимистичность, присущая истинному народному провербиальному слову, экстраполируется и на созданные на злобу дня пословичные патриотические идеологемы. В этой оптимистичности и проявляется важнейшее прагматическое значение пословичных патриотических идеологем. Сегодня уже кажется не столь актуальным поиск ответа на вопрос, как создавались ушедшие в прошлое единицы, формирующие социальные установки, однако нужно иметь в виду, что общество не может существовать вне выработки некоторой общей стратегии поведения социальных субъектов, а следовательно, потребность в формировании ценностных ориентаций членов сообщества посредством языка будет непреходящей.

Литература

1. Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок : Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
2. Arthaber, A. Prefazione / A. Arthaber // Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue / A. Arthaber. – Milano : Ulrico Hoepli, Editore, 1995. – P. VII–XIV.
3. Рыбникова, М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова ; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 229 с.
4. Жигулев, А. М. Русские народные пословицы и поговорки / А. М. Жигулев. – М. : Московский рабочий, 1965. – 360 с.
5. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Склаў Я. Рапановіч. – Мінск : Выш. шк., 1974. – 384 с.
6. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 556 с. ; кн. 2. – 615 с.
7. Мальшева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Мальшева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4. – С. 32–40.
8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova>. – Дата доступа : 15.01.2022.
9. Гусейнов, Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. / Г. Ч. Гусейнов. – М. : Три квадрата, 2004. – 272 с.
10. Радбиль, Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова / Т. Б. Радбиль. – Новгород : Изд-во НГПУ, 1998. – 116 с.
11. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
12. Тимофеев, С. Е. Специфика идеологизации составных наименований в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.19 / С. Е. Тимофеев ; Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского – Брянск, 2021. – 23 с.
13. Купина, Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург; Пермь, 1995. – 144 с.

14. Купина, Н. А. Языковое строительство : от системы идеологем к системе культурем / Н. А. Купина // Русский язык сегодня : сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; редколл.: Л. П. Крысин (отв. ред.). – М. : «Азбуковник», 2000. – С. 182–189.
15. Мирошниченко, А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа [Электронный ресурс] / А. А. Мирошниченко. – Ростов н/Д : Изд. дом «Город N», 1995. – Режим доступа : <https://studfile.net/preview/9144247/page:6/#11>. – Дата доступа : 20.01.2022.
16. Калинин, О. И. Идеологема национальной мечты в массмедиаальном дискурсе КНР и США / О. И. Калинин, А. Д. Сузень // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 133–146.
17. Бахтин, М. М. Слово в романе / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 72–233.
18. Селиверстова, Е. И. Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы / Е. И. Селиверстова // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М., 2005. – С. 135–142.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 25.02.2022

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ